

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор 80 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, глав в трех коллективных монографиях, трех учебных пособий*

СРЕДСТВА И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

В статье выявляются некоторые технологические составляющие социального трансцендирования, важные механизмы, методы и специфические черты творческих социальных трансцензусов как созидательных импульсов и усилий развития общества. На методологической основе социальной феноменологии А. Шюца и Т. Лукмана характеризуются «посредники» трансцендирования: признаки, отличительные признаки, знаки и символы. Их «посредничество» состоит в том, что они направляют воображение человека на некое смысловое содержание, не воспринимаемое в опыте. Механизмом понимания признаков, отличительных признаков, знаков и символов выступает аппрезентативное соединение – синтез представленной и не представленной данностей в сознании, между которыми и передается смысл. При этом аппрезентации вплетены в широкий социокультурный контекст и могут изменяться. В работе подчеркивается значимость символических аппрезентаций, с помощью которых можно налаживать связи между разными сферами реальности и преодолевать «великие» трансцендентности. Специфика символических аппрезентаций заключается в отсутствии аппрезентируемой данности и ее принадлежности к внеповседневной реальности. Выявляется, что в повседневности особым методом, способствующим удостоверению переживания опыта внеповседневного, оказываются воспоминания, а метод пересказов данного опыта нацелен на превосхождение «великих» трансцендентностей. «Великие» переходы обнаруживаются, кроме того, в самой обыденности, в частности в теоретическом мышлении, из недр которого формируются мифология, религия, философия, наука. Объясняется, что носителями символа могут быть практически любые вещи, предметы и явления, а формируются и вводятся в употребление символы интересубъективно. Автор приходит к выводу, что социальное трансцендирование – это образование смысловых указаний с помощью аппрезентации, которое происходит только в пространстве интересубъективности и коммуникации. Социальное трансцендирование имеет символическую природу и может осуществляться или как выход из повседневности во внеповседневность, или как переходы внутри самой повседневности.

Ключевые слова: А. Шюц, Т. Лукман, социальное трансцендирование, «великие» трансцендентности, повседневность, внеповседневность, аппрезентация.

---

*Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: joan_lat@mail.ru

Для цитирования: Латышева Ж.В. Средства и особенности социального трансцендирования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 110–119. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.110

Социальное творчество, берущее свое начало в актах трансцендирования человека, должно быть направлено на реализацию как практико-ориентированных, так и теоретико-ориентированных созидательных целей и задач. Творческие социальные трансцензусы выступают мощным двигателем социокультурного развития; именно они позволяют раскрыть не только внешние, материально-физические, но и внутренние, рационально-духовные, причины устремленности человека к социальным безопасности и порядку, способствуя также и достижению последних. Трансцендирование, как это убедительно показывает социальная феноменология, является внутренней «пружиной» социального конструирования реальности, всего того, что связано с построением, сохранением и воспроизводством гуманистических и правовых начал и принципов жизни человека, гармонического единства и стабильности социума. Результаты, достигнутые социальной феноменологией, подтверждаются и исследованиями, проведенными в рамках других парадигм. Так, например, Н. Луман в своей теории социальных систем демонстрирует, что основу формирования и развития социальных систем составляют смысл и коммуникация [1, с. 25–27], а базальным процессом, лежащим в основе социального трансцендирования, предстает – в контексте его подхода – культурно-семантическая коммуникация¹ [2, с. 7; 3, с. 156–173]. В. Франкл, кроме того, утверждает, что сущностной чертой человека выступает тяга к ценностям и смыслу, реализация которой происходит через трансцендирование [4, с. 284–285].

Подобная универсальность действия социального трансцендирования объясняется его спецификой, подробно представленной нами в предыдущих работах. Суть ее состоит в том, что социально трансцендентное

преодолевается его герменевтическим постижением, пониманием, т. е. приданием этому трансцендентному вполне понятных и существенных для людей смыслов и значений. Тем самым «снимаются» непостижимые и оттого вызывающие страх моменты социальной реальности, *семантически организуется* социум. Принципиально важно и то, что подобное смысловое «устройство общества» осуществляется только в коммуникативной среде, в коммуникативных ситуациях различного рода с применением многообразных, но по большей части языковых коммуникативных знаков.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении «техники» социального трансцендирования, того, каким образом, с помощью каких средств оно осуществляется. Объектом исследования выступает социально-феноменологическая теория трансцендентностей Альфреда Шюца и Томаса Лукмана.

Согласно подходу Шюца и Лукмана, человек переходит рубежи своего опыта в пространстве и времени, вспоминая прошлое и планируя будущее, адресуясь к Другому и стараясь его понять, направляя свое внимание к иной – неповседневной – реальности. Средствами же для подобных переходов служат признаки, или метки («Anzeichen»), отличительные признаки, или индикации («Merkzeichen»), знаки («Zeichen») и символы («Symbole»). Они «передают информацию через границы непосредственного опыта»², причем передают таким образом, что все важное для человека переходит к нему, попадая в сферу его воображения или представления. Знаки, кроме того, способствуют преодолению трансценденции Другого и помогают взаимопониманию, а символы, хотя и олицетворяют иную реальность в повседневности, «могут в сочетании с определенными (а именно ритуализированными) действиями использоваться

---

¹См. также: Луман Н. Введение в системную теорию / пер. К. Тимофеевой; под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. С. 80; Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. С. 146.

²Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt a/Main: Suhrkamp, 1984. Bd. 2. S. 178.

в переходе границ к другим реальностям, включая последнюю границу»³.

Признаки (метки), отличительные признаки (индикации), знаки и символы постигаются посредством *аппрезентативных соединений*. В отличие от простых ассоциаций в аппрезентации не присутствуют сразу две данности сознания, между которыми и транслируется смысл, а имеется только один член – «а», рождающий представление о «b», т. к. «а» является «носителем» «b». Иными словами, в аппрезентации всегда есть синтез, слияние данного и неданного непосредственно в сознании, «презентного» и «непрезентного». При этом нужно учитывать, что значение «b» – «В» может: 1) *познаваться* с такой же очевидностью, как и «а», временно отсутствуя в тот момент, когда «а» непосредственно испытывается; 2) *быть непознаваемым* как нечто непосредственное по причине своего принципиального отсутствия.

Авторы теории трансцендентностей совершенно правильно отмечают, что в своем подавляющем большинстве аппрезентативные соединения даны не изолированно, а вплетены в ткань более обширного человеческого опыта. Причем это более всего относится к аппрезентативным отношениям типа «носитель – значение», которые входят в широкие взаимосвязи значений, зависимых, в свою очередь, от взаимосвязей опыта. Отношения значения, так же как и другие аппрезентативные соотношения, существуют в определенной жизненной и социально-исторической среде и поэтому могут быть модифицированы. Изменения касаются регулирования их структуры, «их субъективного применения и интересубъективного употребления» (Шюц, Лукман). В основе отношений значения, кроме того, располагаются два исходных принципа, которые действуют независимо от всех социально-исторических условий.

Обратим на эти принципы особое внимание, поскольку они, как мы считаем, во многом

проясняют специфику трансцендирования посредством аппрезентации. Первый принцип, относящийся в основном к аппрезентирующему члену отношения, – это «принцип (ограниченного) выбора носителя значения». Он сформулирован так: «...наличие аппрезентативного отношения $a \rightarrow B$ не исключает, что при определенных обстоятельствах (обусловленных положением, жизненно-исторических, исторических) можно выстроить аппрезентативное отношение $c \rightarrow B$. В зависимости от причин или мотивов нового образования и требований связи, в которую эти два отношения включены, старое $a \rightarrow B$ может существовать дальше вместе с новым $c \rightarrow B$. (Синонимия в общем, не только в языковом смысле.) Но его можно заменить и новым отношением и исключить из связи значения»⁴. Ограниченность выбора в данном принципе связана, во-первых, с фактическим применением определенного носителя (сложившимся восприятием именно этого носителя), во-вторых, с существованием в обществе «теорий» как такового отношения значения, в-третьих, с запретом использования чего-либо в качестве потенциальных носителей.

Второй принцип – «принцип ограниченной способности к изменению значения» – относится в большей степени к аппрезентируемому: «...наличие аппрезентативного отношения $a \rightarrow B$ не исключает, что при определенных обусловленных, жизненно-исторических, общественных обстоятельствах может быть создано новое аппрезентативное отношение $a \rightarrow C$. Смотря по обстоятельствам, старое отношение может сохраниться (омонимия в общем смысле) или исчезнуть (изменение значения в общем смысле)»⁵.

Данные принципы с очевидностью показывают, что аппрезентативные соотношения не остаются абсолютно неизменными, а могут варьироваться как со стороны аппрезентирующего начала, так и со стороны аппрезентируемого.

³Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 179.

⁴Ibid. S. 183.

⁵Ibid.

Шюц и Лукман также добавляют, что те из аппрезентативных отношений, которые отражают наиболее типичное и систематически повторяющееся и тем самым вновь и вновь подтверждают свою актуальность, будут и дальше сохранять изначальную константность; другие же соотнесения, вытекающие из первых, подобную устойчивость утратят. И, по мнению авторов теории трансцендентностей, могут полностью прекратить свое существование те аппрезентативные отношения, которые были созданы только для «особых данностей». Поэтому принципы аппрезентации, как мы считаем, должны учитываться в исследовании специфики коммуникативно-смыслового трансцендирования в различных социальных сферах его проявлений: науке и религии, искусстве и философии, экономике, политике, праве и др. Указанные принципы следует также принять во внимание и при изучении иных аппрезентативных систем типа «носитель – значение», их организации и трансцендирования с их помощью.

Особую важность имеет вопрос о специфике символических аппрезентаций. Они, по нашему мнению, выполняют весьма существенные функции в социальном трансцендировании, способствуя не только творческому созиданию человека и общества, но и самосовершенствованию личности как восхождению к более глубоким и общезначимым уровням смысла. В чем же ее видят А. Шюц и Т. Лукман? Что являют собой символические значения?

Социологи отмечают в первую очередь, что функция символов состоит в «возведении мостов» между различными областями реальности и помощи в преодолении «великих» трансценденций. Символические аппрезентации, так же как и другие формы аппрезентаций, содержат в себе некое указание (ссылку), с помощью которой можно представить то (аппрезентируемое), что в данный момент отсутствует. Интересно, что, по Н. Луману, смысл как медиум, способствующий различению актуальности и потенциальности в смысловых системах, тоже проявляется в форме «избытка указаний», направленных на широкое поле ресурсов,

потенциальных действий или переживаний [5, с. 225–228]. При этом, согласно Шюцу и Лукману, для признаков и отличительных признаков, которые также могут выполнять символические функции, отсутствие аппрезентируемого, как уже упоминалось, носит случайный характер, а для особой формы признаков (формы выражения и воплощения процессов в сознании) и знаков, аппрезентирующих многообразную деятельность сознания Другого в интересующей среде и указывающих на «промежуточный мир значений» (типизации), аппрезентированное может быть понято опосредованно. Но и с помощью признаков и отличительных признаков, равно как и с помощью знаков, преодолеваются трансцендентности *повседневного* мира; и то, что представлено этими аппрезентирующими членами, также принадлежит к миру повседневности.

В сравнении с этим аппрезентируемый член в символическом соотнесении не просто принципиально отсутствует, но и относится к иной, нежели обыденная, реальности. Вместе с тем символическое аппрезентативное соотнесение сохраняется только тогда, когда имеет место либо *переход* к иной реальности (к экстазу, дремотности и др.), либо *возвращение* из нее. При нахождении *внутри* иной реальности последняя переживается непосредственно, а информация о таких переживаниях закрепляется в воспоминаниях, имеющих место уже в сфере повседневности, в которой иные реальности в своем непосредственном бытии непостижимы.

В обыденной реальности воспоминания становятся указаниями на внеповседневное; чтобы сохраниться в качестве воспоминаний при переходе из системы релевантности другой реальности в систему релевантности обыденности, они «подкрепляются до символов» (Шюц, Лукман), т. е. усиливаются посредством имеющих символическую функцию признака (метки), отличительного признака (индикации) или знака (в первую очередь языка как знака). С помощью *пересказов* переживаний иных состояний происходит преодоление «великих» трансценденций. Пересказы в данном случае

выступают способом возвращения (возобновления) своего неповседневного состояния с целью «предоставления» последнего воспоминанию в качестве указания на иную реальность. «Великие» трансценденции преодолеваются в процессе таких повествований, кроме того, и самой формой *сообщения* другим о том, что было испытано за пределами обыденности⁶. Обнаруженная близость воспоминания и символа, состоящая в символическом выражении ранее необыденно воспринятого, позволяет Шюцу и Лукману заключить, что «символические значения – это воспоминания об опытах во внеповседневных реальностях, подкрепленные определенными носителями значения, которые из других состояний возвращены в нормальное состояние повседневности»⁷.

Авторы теории социальных трансценденций замечают, что «великие» трансценденции обнаруживаются не только при выходе в иные – неповседневные – состояния; в рамках обыденной сферы, при бодрствовании, также возможны подобные переходы. Они особенно заметны в кризисных ситуациях, когда, размышляя о природных и социальных механизмах, принципиально влияющих на жизнь, обращаются к теоретическому мышлению. И именно результаты теоретических поисков отдаляют сознание от обыденности, хотя они (эти результаты), строго говоря, не являются указаниями на внеповседневную реальность. Так возникают миф, религия, философия, наука, выступающие «представлениями о повседневности на расстоянии», представлениями, которые, так же как и воспоминания, связаны с носителями значения, но в отличие от воспоминаний оказываются не «символической репрезентацией и воплощением» значений, а их «символической репрезентацией и нотацией».

С этим мнением Шюца и Лукмана, на наш взгляд, трудно вполне согласиться. С одной стороны, действительно, общество в моменты

кризисов начинает по-иному осмысливать происходящее с ним, обнаруживая скрытые причины и механизмы негативных и позитивных явлений и объясняя их с помощью мифологии, религии, философии, науки. С другой стороны, миф, религия, философия и наука основаны еще и на *опыте* как на действительно имевшем место переживании неповседневной реальности (реальностей), получившем затем специфическое символическое выражение и воплощение. Поэтому сводить, например, религию лишь к репрезентации «представлений о повседневности на расстоянии» и нотации было бы неправильно – в религии всегда имеет место не только символическая репрезентация, но и символическая аппрезентация.

Важным моментом в раскрытии символической специфики социального трансцендирования оказывается разрешение вопроса о том, что же может выступать носителем символа, символического значения в случае с «великими» трансценденциями? Шюц и Лукман полагают, что при соблюдении принципа ограниченного выбора значения им может быть практически все: окружающие человека вещи природного происхождения и созданные людьми вещи, явления природы (молния, гром и т. д.), звери, части и движения человеческого тела, исторические события, общественные мероприятия. При этом многие носители значения уже суть не просто вещи, а «состоят из значимых составных частей» и «могут быть ступенчатым образом добавлены на аппрезентативные отношения, признаки, отличительные признаки, знаки, в принципе даже символы на символы»⁸ (например, животное может символизировать мужество, коварность, страсть). И все эти градации подчиняются, как считают социологи, «принципу (неограниченной) передаваемости (или ступенчатости) значения»: «Все, что является указанием на нечто другое, может стать указанием на другую реальность; все, что

⁶Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 197.

⁷Ibid.

⁸Ibid. S. 198.

является указанием, может стать указанием на указание»⁹.

Как известно, принципиальное значение символам и символизации придавали кроме Шюца и Лукмана многие мыслители прошлого и настоящего: Платон, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, П. Флоренский, Ю.М. Лотман, Н. Луман и многие др. [см., например: 6, с. 15; 7, с. 110; 8, с. 260; 9, с. 186; 10, с. 70; 11, с. 285; 12, с. 168; 13, с. 153–154; 14; 15, с. 83; 16, с. 12–43; 17]. Но в данном случае необходимо обратиться к мнению М. Мерло-Понти, чей подход, на наш взгляд, близок исследованиям Шюца и Лукмана. Как полагает французский феноменолог, перцептивный опыт в процессе самовыражения всегда выводится на уровень символизации. Безмолвная символизация (природное выражение) основывается на индивидуальном стиле субъекта. Языковая (искусственная) символизация функционирует благодаря взаимодействию стабильных форм языка и творения новых значений говорящим субъектом. При этом Мерло-Понти не ограничивает трактовку феномена говорения лишь лингвистическими формами. Искусство, особенно литература и живопись, является «говорящим словом», где язык из средства сообщения трансформируется в язык смыслоговорящий [18 с. 133] и где, таким образом, человек доказывает свою способность к символизации, творчеству, инициативе. Другими словами, символизация посредством говорения выступает в контексте философии М. Мерло-Понти одним из основных путей трансцендирования. Именно в говорении «реализуется начатое еще на эмоциональном уровне взаимное пересечение перспектив отдельных индивидов, образующее человеческую историю в живом слове, как ни в каком ином человеческом акте intersубъективности и историчность спаяны воедино» [19, с. 243].

Во многом схожее заключение делают и социальные феноменологи. Шюц и Лукман приходят к выводу, что символические значения

и знаки создаются intersубъективно и intersубъективно же устанавливаются, откуда и истекает огромное разнообразие их общественно-исторических форм. Такая же intersубъективная специфика присуща признакам и отличительным признакам с символической функцией (выражение процессов в сознании), которые, однако, способны дать лишь субъективную и не до конца оформленную социально ссылку на другую реальность. И несмотря на то, что символические значения и знаки подчиняются трем принципам – принципу (ограниченного) выбора носителя значения, принципу (ограниченной) изменчивости значения, принципу передаваемости (ступенчатости) символической функции, они создают только общий социальный контекст, «рамочные условия» (Шюц, Лукман) для раскрытия и реализации бытия символов в их историчности. Поэтому дальнейший поиск исторических закономерностей образования и использования символов требует обращения к другим наукам: эмпирическим наукам о человеке, социальным наукам, историографии, политической теории, социологии знаний.

Таким образом, рассмотрев некоторые средства и особенности социального трансцендирования, открывшиеся в социально-феноменологическом ракурсе, можно заключить, что социальное трансцендирование предстает как продуцирование смысловых указаний (ссылок) посредством аппрециации – апперцепции по аналогии, синтеза непосредственно данного и не данного в сознании. Повседневные пространственно-временные и intersубъективные трансцендентности, а также внеповседневные трансцендентности аппрецируются с помощью признаков (меток), отличительных признаков (индикаций), знаков и символов. При этом следует подчеркнуть, что аппрециативная передача смысла социальных типов трансцендентностей – «средних» (intersубъективных) и «великих» (внеповседневных) – осуществляется всегда в intersубъективной среде и только в процессе коммуникации.

---

⁹Schütz A., Luckmann T. Op. cit. S. 199.

Социальные трансцензусы связаны как со сферой повседневности, так и с множественными конечными областями значения¹⁰, обладают символической спецификой. По нашему мнению, основную роль в социальном трансцендировании в различных социокультурных сферах играют признаки и отличительные признаки *с символической функцией* (выражающие и воплощающие процессы в сознании), *знаки и символы*, аппрезентирующие «средние» и «великие» трансцендентности. Кроме того, важно подчеркнуть, что создание различных символических систем (религиозных, художественных, философских и т. д.) предстает социальным выражением и воплощением индивидуального опыта *любых* «великих» трансценденций и являет собой, как мы считаем, различные *виды* «коммуникативных реконструкций субъективного опыта трансценденции» (Т. Лукман). Раскрывая важные особенности «техники» трансцендирования, необходимо принять во внимание три базовых принципа существования аппрезентативных значений: принцип (ограниченного) выбора носителя значения, принцип (ограниченной) способности к изменению значения, принцип (неограниченной) ступенчатости значения; а также анамнетическую специфику образования символических значений и такие особенности организации символических систем, как, с одной стороны, их социоисторичность,

а с другой – их конституирование в индивидуальном сознании.

В плане определения дальнейших перспектив проведенного исследования нужно отметить, что социальная феноменология, представляя собой «науку субъективной парадигмы»¹¹, помещает в фокус своего внимания тщательное описание человеческого сознания и мышления, обнаружение исходных структур жизненного мира, выявление особенностей повседневного знания. Однако, как справедливо отмечает Ф. Коркюф, «излишняя сфокусированность внимания на индивидуальном акторе, его сознании и проектах в интерпретации социального мира грозит тем, что все поле социальных наук может быть сведено к конструкции второго порядка» [20, с. 84]. Поэтому социально-философское исследование трансцендирования как одного из важнейших механизмов социокультурного развития, а также как метода и процесса достижения в конечном итоге социального единства должно производиться не только с опорой на социально-антропологическое измерение, в частности на теоретические положения социальной феноменологии, но и с учетом институциональной, системной и структурно-функциональной перспектив социального. Ведь именно в рамках системы общества, в пределах (проницаемых) границ, установленных социальными институтами, нормами и ролями, осуществляется трансцендирование социального субъекта.

Список литературы

1. Матушанская Ю.Г. Аутопойезис библейской философско-исторической концепции как мировоззренческой основы западной цивилизации (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2015. 382 с.
2. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007. 135 с.

---

¹⁰Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 511; Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Указ. соч. С. 427–446.

¹¹Luckmann T. Philosophy, Science and Everyday Life // Phenomenology and the Social Sciences / ed. by M. Natanson. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1973. Vol. 1. P. 143–185.

3. Назарчук А.В. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана // *Вопр. философии*. 2006. № 6. С. 156–173.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Латышева Ж.В. Смысл как «архе» социального трансцендирования (на основе концепции Н. Лумана) // *Вестн. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исслед.* 2012. № 2(22). С. 225–228.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Иск-во, 1969. Т. 2. 328 с.
7. Шеллинг Ф.В. Философия искусства / пер. П.С. Попова; под общ. ред. М.Ф. Овсянникова, примеч. А.В. Михайлова. СПб.: Алетейя: Унив. кн., 1996. 496 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Унив. кн., 2002. 280 с.
9. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // *Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры* / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 173–287.
10. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М.: Акад. Проект, 2010. 415 с.
11. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // *Лосев А.Ф. Из ранних произведений*. М.: Правда, 1990. С. 195–392.
12. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Иск-во, 1976. 367 с.
13. Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых лет; Генеалогические исследования; Из соловецких писем; Завещание / предисл. и коммент. игум. Андроника (Трубачева). М.: Моск. рабочий, 1992. 559 с.
14. Флоренский П. Иконостас. М.: АСТ, 2005. 203 с.
15. Якобсон Р.О. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // *Искусствоведение. Методы точных наук и семиотики* / сост. и ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 82–87.
16. Бразговская Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М.; Екатеринбург: Каб. ученый, 2018. 224 с.
17. Rowen R.I. *Transcending Imagination; Or, An Approach to Music and Symbolism during the Russian Silver Age*: Dissertation Ph. d. Los Angeles, 2015. URL: <http://search.proquest.com/docview/1691134842?accountid=30386> (дата обращения: 20.05.2016).
18. Перцева А.А. Образ Другого в ранней теории воображения М. Мерло-Понти // *Филос. журн.* 2017. Т. 10, № 1. С. 116–135. DOI: 10.21146/2072-0726-2017-10-1-116-135
19. Мерло-Понти М. В защиту философии / пер. с фр.; примеч. и послесл. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1996. 248 с.
20. Коркюф Ф. Новые социологии / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 179 с.

References

1. Matushanskaya Yu.G. *Autopoyezis bibleyskoy filosofsko-istoricheskoy kontseptsii kak mirovozzrencheskoy osnovy zapadnoy tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Autopoiesis of the Biblical Philosophical-Historical Concept as the Ideological Basis of Western Civilization (Socio-Philosophical Analysis): Diss.]. Arkhangel'sk, 2015. 382 p.
2. Antonovskiy A.Yu. *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsial'nykh sistem* [Niklas Luhmann: An Epistemological Introduction to the Social Systems Theory]. Moscow, 2007. 135 p.
3. Nazarchuk A.V. *Obshchestvo kak kommunikatsiya v trudakh Niklasa Lumana* [Society as Communication in the Works by Niklas Luhmann]. *Voprosy filosofii*, 2006, no. 6, pp. 156–173.
4. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, 1990. 368 p.
5. Latysheva Zh.V. *Smysl kak "arkhe" sotsial'nogo transtsendirovaniya (na osnove kontseptsii N. Lumana)* [Sense as Arche of Social Transcendence (Based on N. Luhmann's Concept)]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 225–228.
6. Hegel G.W.F. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, 1969. Vol. 2. 328 p.
7. Schelling F.W.J. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. St. Petersburg, 1996. 496 p.

8. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. Mythological Mentality]. Moscow, 2002. 280 p.
9. Shpet G.G. Esteticheskie fragmenty [Fragments on Aesthetics]. Shchedrina T.G. (ed.). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Type of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Moscow, 2007, pp. 173–287.
10. Losev A.F. *Dialektika khudozhestvennoy formy* [The Dialectics of the Artistic Form]. Moscow, 2010. 415 p.
11. Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki [Music as a Subject of Logic]. Losev A.F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow, 1990, pp. 195–392.
12. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow, 1976. 367 p.
13. Florenskiy P. *Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh let; Genealogicheskie issledovaniya; Iz solovetskikh pisem; Zaveshchanie* [To My Children. Memories of Past Years; Genealogical Research; From Solovki Letters; Testament]. Moscow, 1992. 559 p.
14. Florenskiy P. *Ikonostas* [Iconostasis]. Moscow, 2005. 203 p.
15. Jakobson R.O. K voprosu o zritel'nykh i slukhovykh znakakh [On Visual and Auditory Signs]. Lotman Yu.M., Petrov V.M. (eds.). *Iskusstvometriya. Metody tochnykh nauk i semiotiki* [Artmetry. Methods of Exact Sciences and Semiotics]. Moscow, 2019, pp. 82–87.
16. Brazgovskaya E. *V labirintakh semiotiki: Ocherki i etyudy po obshchey semiotike i semiotike iskusstva* [In the Labyrinths of Semiotics: Essays and Studies on General Semiotics and the Semiotics of Art]. Moscow, 2018. 224 p.
17. Rowen R.I. *Transcending Imagination; Or, An Approach to Music and Symbolism During the Russian Silver Age: Diss.* Los Angeles, 2015. Available at: <http://search.proquest.com/docview/1691134842?accountid=30386> (accessed: 20 May 2016).
18. Pertseva A.A. Obraz Drugogo v ranney teorii voobrazheniya M. Merlo-Ponti [Image of the Other in Merleau-Ponty's Early Theory of Imagination]. *Filosofskiy zhurnal*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 116–135. DOI: 10.21146/2072-0726-2017-10-1-116-135
19. Merleau-Ponty M. *Éloge de la philosophie et autres essais*. Paris, 1960. 376 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Vzashchitu filosofii*. Moscow, 1996. 248 p.).
20. Corcuff P. *Les nouvelles sociologies*. Paris, 1995. 126 p. (Russ. ed.: Korkyuf F. *Novye sotsiologii*. Moscow, 2002. 179 p.).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.110

Zhanna V. Latysheva

Vladimir State University;
ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russian Federation;
e-mail: joan_lat@mail.ru

MEANS AND FEATURES OF SOCIAL TRANSCENDING

This article identifies some of the technological components of social transcending and reveals important mechanisms, methods and specific features of creative social transcending as constructive impulses and efforts of the development of society. On the methodological basis of the social phenomenology of A. Schütz and T. Luckmann, the “intermediaries” of transcending are described:

For citation: Latysheva Zh.V. Means and Features of Social Transcending. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 110–119. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.110

indications, distinctive indications, signs and symbols. Their “mediation” consists in directing human imagination towards a certain semantic content that is not perceived in experience. The mechanism of understanding indications, distinctive indications, signs and symbols is an appresentative compound, i.e. a synthesis of the presented and unpresented givennesses in consciousness, between which meaning is transmitted. Moreover, appresentations are woven into a wide sociocultural context and are subject to change. This paper emphasizes the importance of symbolic appresentations, with the help of which one can establish connections between different spheres of reality and overcome “great” transcendences. The specific character of symbolic appresentations consists in the absence of the appresented givenness and its belonging to extraordinary reality. It is revealed that in everyday life memories are a special way to certify going through extraordinary experience and that the method of retelling this experience is aimed at surpassing the “great” transcendences. “Great” transitions are also found in the ordinariness itself, in particular, in theoretical thinking, from the depths of which mythology, religion, philosophy, and science arise. It is shown that practically any things, objects and phenomena can be carriers of a symbol, and symbols are formed and introduced into use intersubjectively. The author concludes that social transcending is a formation of semantic references through appresentation, which only occurs in the space of intersubjectivity and communication. Social transcending has a symbolic nature and can be performed either as a way out of everyday life into extraordinary reality or as transitions within the everyday life itself.

Keywords: *A. Schütz, T. Luckmann, social transcending, “great” transcendences, everyday life, extraordinary reality, appresentation.*

Поступила: 12.12.2018

Принята: 06.03.2019

Received: 12 December 2018

Accepted: 6 March 2019